

Марика Месс
**Вечный
эфирный
день**

18+

Марика Месс

Вечный эфирный день

«Автор»

2026

Месс М.

Вечный эфирный день / М. Месс — «Автор», 2026

«Он создал машину времени, чтобы сбежать от жизни, которая не замечала его. Он не знал, что будет бежать от себя три тысячи лет». Шери Код — программист, чьё существование было пустотой. Отец умер, когда Шери было пять. Мать перестала видеть сына. Единственное, что осталось у Шери — слово «молодец», сказанное отцом. Слово, которое он искал всю жизнь и никогда не находил. В двадцать девять лет он создал «ядро» — машину времени из подручных деталей что была похожа на теплый гладкий камень. Он не тестировал её. Вероятность успеха — 17%. Шери шагнул в окно с девятого этажа, готовый умереть. Любой исход был лучше, чем оставаться в мире, где его не существует.

Содержание

Точка невозврата	5
Лес	7
Что я такое?	9
Анна	12
Серая координата	15

Марика Месс

Вечный эфирный день

Точка невозврата

Запись 001. Координаты: Земля, Екатеринбург, студия на 9-м этаже. Время: 31 декабря 2025 года, 23:47. Статус: финальная проверка «ядра» начата. До прыжка — 13 минут.

Привет, мир. Если ты вообще когда-нибудь это увидишь. Если я вообще когда-нибудь это опубликую. Если «ядро» не сработает и я просто разобьюсь в ближайшие тринадцать минут — ну, тогда это будет мой последний пост. Как у всех этих блогеров, которые снимают прощальные видео перед тем, как сделать что-то безумное. Только у меня нет камеры. Только голос, который записывается прямо в память «ядра». Технически это даже не звук — это просто цифровой след. Мои мысли, сконвертированные в ноль и единицу. Но для меня это голос. Мой голос. Последний. Меня зовут Шери. Шери Код. Да, Код — это фамилия. Иронично, да? Программист с фамилией Код. Я родился в 1996 году. Мне двадцать девять. Я — тот парень, который сидел в гараже три года и собирал машину времени из того, что нашёл на AliExpress и на свалке радиодеталей. Звучит безумно. Я знаю. Я всегда был безумным. Или просто отчаявшимся. Между этими двумя состояниями тонкая грань, и я пересёк её уже давно. Возможно, в тот день, когда мне было пять лет и я стоял на похоронах отца, держа мать за руку, а она не плакала. Она просто смотрела вперёд, в пустоту, и я понял, что остался один. Даже когда она была рядом. Мой отец умер, когда мне было пять. Я почти не помню его голоса — только обрывки, как старую плёнку, которая стёрлась от времени. Но я помню руки. Тёплые, шершавые, пахли машинным маслом. Он был механиком. Ремонтировал машины в гараже, и я сидел рядом, смотрел, как он крутит гайки, и чувствовал себя в безопасности. Он говорил: «Ты у меня молодец, Шер. Самый лучший». Я помню это слово. Я искал его всю жизнь. Я так и не нашёл. Отец умер. Мать развелась с ним ещё до смерти — просто разлюбила, не захотела больше связывать жизнь. А потом он умер, и она не плакала. Она просто перестала меня замечать. Как будто вместе с ним умер и я. Она вышла замуж. Родила Элис. Мы с Элис — разница пять лет. Она родилась в том же году, когда умер отец. Генетический отец Элис неизвестен. Мать никогда не говорила об этом. Я не знаю, был ли это тот мужчина, за которого она вышла замуж, или кто-то другой. Я никогда не спрашивал. Я боялся ответа. Но я смотрел на Элис и видел в ней отца. Моего отца. Хотя он не был её отцом. Я стал призраком в собственном доме. Мать не замечала меня. Она замечала только Элис. Я слышал через стену, как она смеётся с ней, как она говорит ей: «Ты моя хорошая». Я слышал это и не мог понять — почему не я? Почему я никогда не слышал этих слов? Я стоял за дверью и ждал. Я ждал, что она откроет дверь и скажет: «Шери, я люблю тебя». Я ждал тридцать лет. Она так и не сказала. Я ушёл из дома, когда мне было восемнадцать. Снял комнату. Потом студию. Работал программистом, потому что умел только сидеть за компьютером. Я не знал, что делать с собой. Я просто жил. Я просто существовал. Я ждал, что что-то изменится. Ничего не менялось. Три года назад я начал собирать «ядро». Это неказистый предмет, похожий на камень с кнопками. Я не знаю, почему я решил, что это сработает. Может быть, потому что мне нужно было во что-то верить. Может быть, потому что я хотел создать что-то, что даст мне контроль над моей жизнью. Я был одержим. Я не спал ночами. Я пропадал в гараже, паял, программировал, считал. Я создал математические модели. Я проверил их тысячу раз. Вероятность успеха — 17%. Семнадцать процентов. Это больше, чем у меня было в жизни. За тридцать лет — ни одного процента на счастье. Ни одного процента на то, чтобы меня заметили. На то, чтобы я стал кому-то нужен. Я был никем. Я был призраком. И я устал быть призраком. Сегодня я решил, что всё это закон-

чится. Я не тестировал «ядро». Я никогда не тестировал его. Я не ставил опыты на животных, потому что я люблю их. Я не мог. Я просто собрал его и понял — либо оно сработает, либо я умру. Второй вариант меня устраивает. Он устраивает меня больше, чем я готов признать. Я был у матери сегодня. Зашёл попрощаться. Она не заметила. Я стоял в дверях, смотрел на неё и думал: «Ты даже не знаешь, что я ухожу. Ты даже не знаешь, что я мог бы разбиться. Тебе всё равно». Я сказал: «Я уезжаю». Она сказала: «Надолго?» — и не дождалась ответа, потому что пришло сообщение. Я ушёл. Я оставил записку Элис под дверь. «Эли, я уезжаю. Я не знаю, вернусь ли. Носи браслет. Он будет напоминать тебе, что у тебя есть брат. Я тебя люблю. Шер». Она прочитает её завтра. Когда меня уже не будет. Она будет плакать. Она будет звонить мне. Но мой телефон останется на столе в студии. Я не возьму его с собой. Я не хочу, чтобы она страдала. Но я не могу остаться. Не могу. Здесь нет места для меня. Я всегда был призраком. Теперь я стану призраком в других мирах.

Отец. Я не знаю, слышишь ли ты меня. Ты умер. Ты не можешь слышать. Но я всё равно обращаюсь к тебе. Потому что ты — единственный, кто когда-либо называл меня «молодец». Единственный, кто видел меня. Я помню твою руку. Ты держал меня, когда я был маленьким. Ты говорил: «Шер, ты справишься. Ты — самый лучший». Я верю в это до сих пор. Я верю, что ты не врал. Я хочу верить, что где-то есть мир, в котором я могу стать тем, кем ты меня видел. Мир, в котором я не призрак. Мир, в котором я кому-то нужен. Я искал этот мир всю жизнь. Я не нашёл его. Поэтому я создал свой. Я шагну в окно через тринадцать минут. Либо я уйду в другое время. Либо я уйду навсегда. В любом случае — я уйду. Я боюсь, отец. Я так боюсь, что не могу описать. Я боюсь, что там, куда я попаду, тоже не будет никого, кто увидит меня. Я боюсь, что я всегда буду призраком. Что я никогда не стану человеком. Но я боюсь остаться здесь больше. Здесь я — никто. Здесь я — пустое место. Здесь меня не существует. Я хочу существовать. Я хочу, чтобы кто-то сказал: «Шери, я вижу тебя. Ты нужен здесь». Я хочу услышать это слово. «Молодец». Хотя бы один раз. От кого-то, кто не умрёт на следующий день. От кого-то, кто останется. Но даже если я не найду этого — я уйду. Потому что уйти — это единственное, что я умею хорошо.

Я стою на подоконнике. Ветер дует в лицо. Холодно. Внизу — снег, машины, чужая жизнь. Я сжимаю «ядро» в левой руке. Оно тёплое. Оно пульсирует. Оно готово. Через несколько минут я шагну в пустоту. Я не знаю, что будет. Но я знаю, что это — мой выбор. Мой первый настоящий выбор. Отец, если ты слышишь меня — скажи, что я молодец. Скажи, что я всё делаю правильно. Скажи, что я не зря прожил эти двадцать девять лет. Я жду. Я всегда жду. Но ты не отвечаешь. Ты никогда не отвечаешь. Никто никогда не отвечает. Прощайте, Элис. Прощай, мать. Прощай, мир, который не заметил меня. Я иду искать тот, который заметит.

Запись завершена. До прыжка — 4 минуты. Статус «ядра»: активен. Координаты: не заданы. Время старта: 31 декабря 2025 года, 23:59.

Следующая запись будет сделана в новом мире — если он существует.

Лес

Запись №002. Координаты: лес, лагерь кочевников, Земля, примерно 500 год до н.э. Время: за день до ухода. Статус: «ядро» остыло, на кнопки не реагирует. Я остаюсь.

Привет. Это снова я.

Если ты — будущий я, который когда-нибудь прочитает это — знай: я жив. Я выжил. «Ядро» сработало. Оно сработало, мать твою. Я прыгнул, и вместо того чтобы разбиться о землю, я оказался в лесу. В другом времени. В другом мире.

Я не знаю точно, где я. Год? Примерно 500 до нашей эры. Может, раньше. Может, позже. Звёзды здесь другие — фиолетовое небо, чужие созвездия. Язык — гортанный, резкий, я не понимаю ни слова. Но я жив.

И это уже победа.

Когда я приземлился, меня окружили воины. Сначала я думал, что это конец. Они были огромные, в мехах, с копьями. Я лежал на земле, сжимал «ядро» в руке и смотрел, как они переговариваются. Я не понимал их, но я понял взгляды. Они боялись меня. Или боялись то, что у меня в руке.

Потом появился старик. Шаман. Он посмотрел на меня, потрогал «ядро» и сказал что-то — и все воины отступили. Я не понял ни слова, но я осознал, что меня не убьют. Не сегодня.

Потом появилась девочка.

Маленькая. Ей было, наверное, лет семь или восемь. Она смотрела на меня огромными глазами, а потом протянула мне кусок хлеба. Просто так. Без причины. Я взял его и заплакал. Я не знаю, почему я заплакал. Я не плакал с детства. Но здесь, в этом чужом мире, среди чужих людей — я вдруг почувствовал, что меня видят. Что я существую. Хотя бы для одного человека. Для этой маленькой девочки, которая дала мне хлеб.

Я заплакал. Прямо перед ней.

Я живу здесь уже почти три года. Я научился языку. Я построил дом. Я стал своим.

Людей здесь называют по-другому — я не знаю их настоящих имён на моём языке, но я знаю их души. Бран — рыжий бородач, который хотел убить меня в первый день, стал моим братом. Он научил меня делать ложки из дерева. Он смеялся надо мной, когда я не умел, но смеялся не зло, а как над младшим братом, который только учится.

Старый шаман — он смотрит на меня так, будто знает, кто я. Настоящий я. Он называет меня «Адвена» — «тот, кто пришёл издалека». Я не знаю, что он видит. Но он не боится меня.

Маленькая девочка, которая дала мне хлеб — теперь она сидит у меня на коленях. Я рассказываю ей сказки. Она смеётся, когда я говорю о звёздах. Я говорю ей, что звёзды — это огоньки, которые зажигают те, кто нас любит. Она верит мне. Я хочу, чтобы она всегда верила.

Я был счастлив здесь. Впервые за всю жизнь.

Но я должен уйти.

Сегодня я понял, что завтра она умрёт. Маленькая девочка. Она заболела сегодня утром — кашель, жар, слабость. Я знаю эту болезнь. Я видел её раньше. Через день она не проснётся. Я знаю это с той же уверенностью, с которой знаю, что солнце взойдёт завтра.

Я мог бы остаться. Я мог бы быть с ней в последний день. Я мог бы держать её за руку, когда она умрёт. Я мог бы сказать ей, что она была нужна. Что она была важна. Что она дала мне надежду, когда у меня не было ничего.

Но я не могу. Я не могу смотреть, как она умирает.

Я всегда ухожу за день. Всегда. Кроме одного раза. Кроме отца.

Когда отец умер, я был рядом. Я держал его за руку. Я смотрел, как его глаза закрываются. Я помню это. Я помню каждую секунду. Я помню, как его рука стала холодной. Я помню, как мать не плакала. Я помню, как я плакал, а она смотрела на меня и говорила: «Не ной, Шери. Ты уже большой».

Я не хочу снова видеть это. Я не хочу снова чувствовать, как кто-то уходит из моих рук. Я не хочу снова быть тем пятилетним мальчиком, который не мог ничего изменить.

Поэтому я ухожу. Завтра. На рассвете. До того, как она умрёт.

Отец.

Я снова бегу. Я знаю, что ты бы не одобрил. Ты бы сказал: «Останься, Шер. Будь сильным. Держи её за руку». Но я не могу. Я не такой, как ты. Ты был сильным. Ты оставался до конца. Я — слабый. Я ухожу.

Я оставляю ей свой амулет. Маленький камень, который я принёс с Земли. Он будет напоминать ей, что кто-то её любил. Что кто-то видел её. Что кто-то был рядом, даже когда уходил.

Бран спросил меня сегодня: «Почему ты уходишь, брат?». Я не ответил. Я не мог объяснить. Я только сказал: «Я должен. Я всегда должен».

Он смотрел на меня долго. Потом обнял. Он сказал: «Ты всегда будешь моим братом, Адвена. Я не забуду тебя».

Я хотел сказать ему, что он — мой брат. Что он — единственный, кто понял меня. Что я ухожу не потому, что хочу, а потому что я слабый. Потому что я не могу смотреть, как умирают те, кого я люблю.

Я не сказал. Я просто кивнул и ушёл.

Я ухожу завтра. Но я хочу, чтобы кто-то знал. Я хочу, чтобы эта запись осталась. Чтобы кто-то прочитал её и понял: я не хотел уходить. Я просто не умел оставаться.

Я хочу найти место, где я смогу остаться. Я хочу найти человека, который скажет: «Ты нужен здесь. Оставайся».

И я хочу сказать: «Я остаюсь».

Но сегодня я ухожу.

Отец, я помню твои руки. Ты держал меня, когда я был маленьким. Ты говорил: «Ты у меня молодец, Шер. Самый лучший». Я искал эти слова всю жизнь. Я нашёл их здесь. В глазах Брана. В улыбке девочки. В молчании шамана.

Они сказали мне это без слов. Они сделали меня человеком.

Я ухожу, но я беру это с собой. Я беру их с собой. В каждом новом мире я буду искать людей, которые увидят меня. И я буду давать им то, что они дали мне: надежду.

Я буду хорошим человеком. Как ты.

Запись завершена. До ухода — 4 часа. Статус «ядра»: холодное, неактивно. Я не могу прыгнуть. Я уйду пешком.

Следующая запись будет сделана в новом мире — когда я найду силы писать.

Что я такое?

Запись №003. Координаты: лес, окраина земель племени, Земля, примерно 500 год до н.э. Время: спустя полгода после ухода из лагеря. Статус: «ядро» холодное, я пытался умереть. Это не сработало.

Привет. Это снова я.

Я ушёл из лагеря полгода назад. Я ушёл, потому что не мог смотреть, как умирает девочка, которая дала мне хлеб. Я ушёл на рассвете — до того, как она закрыла глаза. Я оставил ей свой амулет. Я оставил Брану письмо, которое он никогда не прочитает, потому что не умеет читать. Я ушёл и больше никогда не вернулся.

Я думал, что я просто уйду. Я думал, что я сбегаю от боли. Я не знал, что я сбегаю от самого страшного открытия в моей жизни.

Я не умираю.

Я узнал это не сразу. Сначала я просто брёл по лесу. Я не знал, куда иду. Я не знал, зачем иду. Я просто шёл. Я шёл, чтобы не думать. Чтобы не чувствовать. Чтобы не помнить её лицо.

Я не ел. Я не пил. Я хотел умереть.

Я не умер.

Прошла неделя. Я всё ещё шёл. Мой желудок сводило, но я не чувствовал голода — не настоящего. Я чувствовал только пустоту. Я чувствовал, как моё тело требует еды, но я не давал ему. Я хотел, чтобы оно сдалось. Я хотел, чтобы оно умерло.

Оно не сдалось.

Прошёл месяц. Я ослаб. Я едва стоял на ногах. Я лёг на землю и закрыл глаза. Я ждал смерти. Я звал её. Я просил её прийти.

Она не пришла.

Я лежал на земле три дня. Я не двигался. Я не пил. Я не ел. Моё тело должно было умереть. Оно должно было остановиться. Но оно продолжало существовать. Оно продолжало дышать. Оно продолжало жить, несмотря на всё, что я делал, чтобы убить его.

Я понял. Я понял, что я не могу умереть. Я понял, что я — бессмертный. Не в том смысле, в котором я думал. Не как бог. Не как герой. Как проклятый. Как тот, кто обречён жить вечно, несмотря на то, что хочет умереть.

Я не чувствую голода. Я не чувствую жажды. Но моё тело нуждается в них. Оно слабеет без еды. Оно сохнет без воды. Но оно не умирает. Оно просто... существует. Как машина, которая работает на пустом месте. Как механизм, который не может остановиться.

Я лежал на земле и смеялся. Я смеялся до слёз. Я смеялся над собой. Над своей глупостью. Я думал, что создал машину времени, чтобы сбежать. А я создал машину, которая сделала меня вечным. Вечным свидетелем смерти. Вечным страдальцем.

Я не могу умереть. Я никогда не умру.

Я попытался убить себя.

Не голодом. Я понял, что голод не работает. Я нашёл острый камень и разрезал себе руку. Глубокая рана. Я хотел, чтобы я истёк кровью. Я хотел, чтобы моё тело остановилось.

Кровь текла. Я чувствовал боль. Настоящую боль. Она была острой, живой, настоящей. Я чувствовал, как моя жизнь уходит с кровью. Я чувствовал, как я слабею. Я думал: «Вот оно. Вот оно, наконец-то».

Но рана закрылась. Не сразу. Не мгновенно. Она закрывалась медленно, с трудом, как будто моё тело не хотело исцеляться, но было вынуждено. Шрам остался. Он был тонким, белым, едва заметным — но он был. Доказательство того, что я пытался умереть. И не смог.

Я попробовал снова. Я нашёл обрыв. Я прыгнул. Я сломал ногу. Я лежал на земле и кричал от боли. Я ждал, что умру. Я ждал, что моё тело остановится.

Оно не остановилось. Нога срослась. Но срослась неправильно. Она болит до сих пор. Она напоминает мне о том, что я пытался умереть. И не смог.

Я перестал пытаться.

Я понял, что я не могу умереть. Что я застрял. Что я обречён жить. Что моё тело будет исцеляться, но с трудом. Что шрамы останутся. Что боль останется. Что я буду носить их с собой вечно.

Я перестал пытаться убить себя. Я начал искать другой способ забыться.

Я нашёл вино.

Это было случайно. Я наткнулся на деревню, где люди пили что-то тёмное и крепкое. Я попросил. Они дали. Я выпил. Впервые за долгое время я почувствовал тепло. Я почувствовал, что мир становится мягче. Я почувствовал, что могу забыться. Хотя бы на мгновение.

Я пил много. Слишком много. Я хотел напиться до потери сознания. Я хотел исчезнуть. Я хотел не чувствовать вечность. Я хотел быть человеком хотя бы на одну ночь.

И меня вывернуло.

Я стоял на коленях в грязи, и меня рвало. Меня рвало так, как будто я пытался избавиться от всего, что было внутри. От всей боли. От всей пустоты. От всей вечности, которая теперь была моей.

А потом я понял. Это не просто рвота. Это очищение.

Когда я пил слишком много, моё тело выталкивало всё наружу. Не только алкоголь. Не только еду. Оно выталкивало боль. Оно выталкивало память. Оно выталкивало всё, что я носил внутри. С каждой волной рвоты я чувствовал, как часть меня уходит. Как часть боли покидает меня.

Я не знаю, как это работает. Может быть, это тоже эффект «ядра». Может быть, мой организм научился избавляться от того, что отравляет меня. Не только физически — морально.

Я стал пить каждую ночь. Не чтобы забыться — чтобы очиститься. Чтобы выплеснуть наружу ту боль, которую я не мог выговорить. Чтобы стать чуточку чище. Чтобы стать чуточку более человеком.

Это не лекарство. Это не спасение. Это просто способ существовать. Способ продолжать жить, когда ты не хочешь жить.

Я пью, чтобы чувствовать боль. Чтобы чувствовать, что я жив. А когда меня выворачивает — я чувствую, что становлюсь чище. Хотя бы на каплю.

Отец.

Я не знаю, чем я стал. Я не знаю, кто я теперь. Я — человек, который не может умереть. Который не чувствует голода и жажды. Который носит на себе шрамы — доказательства того, что он пытался уйти, но не смог.

Я — тот, кто будет жить, когда все, кого я люблю, умрут.

Я смотрю на себя в воду и вижу шрамы на руках. Я вижу шрам на ноге, которая неправильно срослась. Я вижу шрамы, которые останутся со мной навсегда. Я вижу человека, который пытался умереть и не смог.

Я хочу быть человеком. Я хочу чувствовать голод. Я хочу чувствовать жажду. Я хочу стареть. Я хочу умереть.

Но я не могу. Я — бессмертный. И это — моё наказание.

Я сижу у костра в чужой деревне, и я пью. Я пью, чтобы очиститься. Я пью, чтобы стать чуточку чище. Я пью, потому что не знаю, что ещё делать.

Отец, ты бы сказал: «Не сдавайся, Шер. Будь сильным». Но я устал быть сильным. Я устал быть вечным. Я устал быть бессмертным.

Я хочу быть человеком. Я хочу быть твоим сыном. Я хочу быть братом Брана. Я хочу быть тем, кто остаётся.

Но я не могу. Я ушёл. Я всегда уйду.

Я пью, чтобы очиститься. Я пью, чтобы стать чуточку чище. Я пью, потому что это единственное, что я могу сделать.

И меня выворачивает. И я становлюсь чище. На каплю.

Запись завершена. Я снова напился. Меня вырвало. Я чувствую себя чуточку чище. На каплю.

Я нашёл способ существовать. Я буду пить, чтобы очищаться. Я буду носить шрамы, чтобы помнить, что я пытался уйти. Я буду жить, потому что не могу умереть.

Следующая запись будет сделана, когда я найду в себе силы.

Анна

Запись №004. Координаты: Земля, Лондон, 1854 год. Время: через несколько лет после прыжка. Статус: «ядро» починил, оно снова работает. Я прыгнул.

Привет. Это снова я.

Ты не согласишься. Я идиот. Полный идиот.

Я шесть месяцев пытался умереть. Я не ел, не пил, прыгал с обрывов, резал себя. Я носил на себе шрамы — доказательства того, что я не могу умереть. Я пил каждую ночь, чтобы очиститься. Я был готов сдаться. Я был готов просто существовать вечно, как проклятый, как призрак.

А потом я случайно уронил «ядро».

Оно упало на землю. От удара оно разбилось — не рассыпалось, но треснуло. Я увидел внутри него провода. Схему. Плату. Я собирал его три года, я знал каждую деталь. И я увидел — один проводок отошёл.

Один чёртов проводок.

Я сидел на земле и смотрел на него. Мои пышные кудри были в грязи, светлая прядь прилипла к лицу. Синий худи, который я зашивал уже трижды, снова порвался. Я выглядел как безумный бродяга, который разговаривает с камнем. Я таким и был.

Я не мог поверить, что всё это время «ядро» не работало. Что я не мог прыгнуть не потому, что бессмертный, не потому что я навсегда застрял в этом мире — а потому что отошёл один проводок.

Я рассмеялся. Я смеялся так, как не смеялся никогда в жизни. Я смеялся, пока слёзы не потекли по лицу. Я смеялся над собой. Над своей глупостью. Над тем, что я пытался умереть из-за того, что не мог починить одну маленькую деталь.

Я починил его. Это заняло минуту. Я просто вставил проводок обратно. И «ядро» снова стало тёплым. Снова пульсирующим. Снова живым.

Я нажал на кнопку. Я не думал, куда я хочу попасть. Я просто хотел уйти. Уйти из этого мира. Уйти от воспоминаний. Уйти от Брана. Уйти от девочки, которая дала мне хлеб. Уйти от себя. Я просто хотел начать всё заново.

И я прыгнул.

Я приземлился в Лондоне.

1854 год. Я узнал это сразу — по запаху угля, по грязным улицам, по экипажам. Я стоял в переулке, сжимая «ядро» в руке, и смотрел на мир, который был мне знаком. Я читал о викторианской эпохе. Я видел фильмы. Но я никогда не думал, что окажусь здесь. По-настоящему. Живым.

Я нашёл работу. Я стал мистером Смитом — клерком в банке. Я снял комнату в пансионе. Я купил новую одежду — тёмный сюртук, белую рубашку, чёрные брюки. Я выглядел как джентльмен. Я притворялся. Но мои кудри всё так же торчали из-под цилиндра, а светлая прядь падала на глаза. Я не мог избавиться от неё. Она была частью меня.

Я начал жить. Не существовать, а жить. Я перестал пить — я решил, что больше не буду убегать в алкоголь. Я решил, что попробую быть человеком.

И я встретил её.

Анна.

Она пришла устраиваться на работу в тот же банк. Она была молодой, лет двадцати, с тёмными волосами и глазами, которые смотрели прямо. Она была бедной, но гордой. Она

держалась ровно, хотя я видел, что её платье было перешито из старого, и что она не ела уже несколько дней. Она не просила помощи. Она просто стояла и ждала, когда её заметят.

Я заметил её.

Управляющий отказал ей. Он сказал, что она «недостаточно опытна». Она стояла молча, опустив глаза, и я видел, как она сжимает руки в кулаки. Она была сильной. Она была такой же, как я — той, кого не замечают, но кто продолжает стоять.

Я подошёл к ней после разговора. Я сказал: «Мисс Анна, я слышал, что вы ищете работу. Я могу помочь».

Она посмотрела на меня с подозрением. Она не верила в доброту. Она привыкла, что люди хотят что-то взамен. Но я не хотел ничего. Я просто хотел, чтобы она знала, что её видят.

Я дал ей деньги на комнату. Я нашёл ей работу в банке — я поговорил с управляющим. Я помог ей, когда она была никем. Она не знала, почему я это делаю. Она думала, что я просто добрый человек.

Но я не был просто добрым. Я полюбил её.

Я любил Анну десять гребанных лет.

Десять лет я был рядом. Я был её другом. Я был её опорой. Я был тем, кто слушал её, когда она плакала. Я был тем, кто помогал ей, когда она нуждалась. Я был тем, кто был рядом, когда никто другой не хотел быть.

Я любил её. Я любил её так сильно, что это разрывало меня изнутри. Я хотел сказать ей. Я хотел признаться. Я хотел, чтобы она знала, что я вижу её. Что я люблю её. Что я хочу быть с ней навсегда.

Но я не сказал. Я боялся. Я боялся, что она отвергнет меня. Я боялся, что она уйдёт. Я боялся, что я потеряю её. Я предпочёл оставаться другом, чем рискнуть потерять её совсем.

Я был трусом. Я всегда был трусом.

Я смотрел, как она влюбляется в другого. Его звали Томас. Он был торговцем, у него был дом, у него были перспективы, у него была нормальная жизнь. Он был тем, кого она заслуживала. Он был тем, кто мог дать ей счастье.

Я смотрел, как она улыбается ему. Как она смеётся с ним. Как она держит его за руку. Я смотрел и чувствовал, как моё сердце разрывается на куски.

Я мог бы сказать ей. Я мог бы признаться. Я мог бы попросить её остаться. Но я не сказал. Я не попросил. Я просто смотрел, как она уходит.

Она вышла замуж за Томаса. Я был на свадьбе. Я улыбался. Я пил шампанское. Я поздравлял её. Я говорил, что желаю ей счастья. Я врал. Я не желал ей счастья с другим. Я желал ей счастья со мной.

Но она выбрала его. Она выбрала нормальную жизнь. Она выбрала того, кто мог дать ей то, что я не мог — стабильность, будущее, семью.

Я не винил её. Я винил себя. За то, что не сказал. За то, что не попросил. За то, что был трусом.

Она френдзонила меня десять лет. Она не знала, что я люблю её. Она думала, что я просто друг. Просто добрый мистер Смит, который помог ей, когда она была никем.

Она не знала, что я хотел быть её мужем. Что я хотел быть отцом её детей. Что я хотел стареть вместе с ней. Что я хотел умереть рядом с ней.

Она не знала. Она не знала ничего.

Я не сказал ей. Я не сказал ей ни слова. Я просто смотрел, как она уходит.

Отец.

Я полюбил женщину. Я полюбил её так сильно, что это разрывало меня изнутри. Я хотел быть с ней. Я хотел быть её мужем. Я хотел быть её всем.

Но я не сказал. Я не сказал ей ни слова. Я боялся. Я боялся, что она отвергнет меня. Я боялся, что я потеряю её. Я предпочёл оставаться другом, чем рискнуть потерять её совсем.

Я был трусом. Я всегда был трусом.

Она вышла замуж за другого. Она счастлива. Она не знает, что я люблю её. Она не знает, что я страдаю. Она не знает, что я готов был отдать ей всё.

Я не виню её. Я виню себя. Я виню себя за то, что не сказал. Я виню себя за то, что был трусом.

Я уйду завтра. Я оставлю ей конверт с деньгами и запиской: «Чтобы ваши дети никогда не голодали. С уважением, ваш странный друг».

Она никогда не узнает, кто я. Она никогда не узнает, что я любил её. Она никогда не узнает, что я готов был быть с ней навсегда.

Я уйду не потому что хочу. Я уйду, потому что не могу оставаться. Не могу смотреть, как она живёт с другим. Не могу смотреть, как она смеётся с ним. Не могу смотреть, как она счастлива без меня.

Я уйду. Я снова уйду.

Отец, я хочу быть человеком. Я хочу любить и быть любимым. Я хочу оставаться. Но я не умею. Я умею только уходить.

Я всегда уйду.

Запись завершена. До ухода — одна ночь. Я напишу ей письмо. Я скажу ей всё, что не сказал за десять лет. Но я не подпишусь. Я не хочу, чтобы она страдала.

Я уйду. Я снова уйду.

Следующая запись будет сделана позже.

Серая координата

Запись №005. Координаты: нуль-пространство, между мирами. Время: неизвестно. Статус: «ядро» активно, я завис между прыжками.

Привет. Это снова я.

Я ушёл из Лондона. Оставил Анну. Оставил десять гребанных лет любви, которая ничего не значила. Прыгнул, не зная куда. Просто хотел уйти.

Когда открыл глаза, оказался нигде.

Серое пространство. Бесконечное. Ни верха, ни низа, ни горизонта. Я парил в нём, как пушинка, и не понимал, где я. «Ядро» не реагировало. Мысль о прыжке не работала. Я был заперт.

Сначала паниковал. Кричал. Пытался двигаться. Потом успокоился. Понял, что паника не поможет. Начал изучать пространство.

Это было то место где я побывал при своём первом прыжке. Видимо прыжок проходит через это место как через отправной пункт.

Обнаружил, что могу парить в любом направлении, просто плывя как в космосе где нет гравитации. Пространство реагировало на мысли. Когда думал о Бране то увидел его лицо на мгновение, как отражение в воде.

Недели. Месяцы. Годы. Время здесь не имело значения.

Я понятия не имел, как выбраться. «Ядро» молчало. Серое пространство не давало ответов. Я просто парил в пустоте, окружённый тишиной, и думал: «Я застрял здесь навсегда. Это моя вечность».

Я сидел в сером пространстве, обхватив колени руками. Мои пышные кудри висели спутанными прядями, светлая прядь у лица давно прилипла к щеке. Одежда из Англии давно смялась и изшоркалась друг об друга.

Я сунул руку в карман — машинально, просто чтобы почувствовать, что у меня есть хоть что-то. Пальцы нащупали бумажку. Я вытащил её. Квитанция за комнату. Та самая, которую я забыл выбросить. Бумажка была мятой, края стёрлись. Я смотрел на неё и не знал, что делать. Я держал её в руках.

Потом я сложил её в самолётик. Не знаю, зачем. Просто чтобы чем-то занять руки. Я запустил его — и он полетел. Он двигался. Он парил в сером пространстве, как настоящий самолётик в настоящем воздухе.

Я смотрел на него и вдруг понял. Он двигался. Он был здесь. Бумажка, которую я принёс в кармане, существовала в этом пространстве. Она не исчезла. Она осталась.

Я вытащил из кармана монету. Подбросил её. Она поднялась и зависла в воздухе. Я потянулся за ней и снова подбросил. Она парила в воздухе как и я. Я мог приносить вещи. Я мог держать их. Я мог двигать их. Я мог оставлять их здесь.

Я снял жилет. Он остался висеть в воздухе, как будто его кто-то держал. Я надел его обратно. Я достал «ядро» из кармана. Оно было тёплым. Оно было здесь. Оно было настоящим.

Я мог приносить в это серое пространство всё, что хотел. Квитанция, одежда, «ядро» — всё оставалось здесь. Всё существовало. Всё было реальным.

Это был мой шанс. Создать что-то, что будет со мной всегда. Что не умрёт. Что не уйдёт.

Я решил создать друга.

Но сначала я должен был понять, как выбраться. Серое пространство держало меня. Я не мог прыгнуть. Я не мог уйти. Я был заперт.

И тогда я решил. Если я не могу выбраться — я хотя бы попробую вернуться. В начало. В самый первый прыжок. Может быть, если я увижу, как всё началось, я пойму, как это остановить.

Я сжал «ядро» в руке. Я не знал, сработает ли оно. Но я подумал о той минуте. О девятом этаже. О снеге внизу. О холоде. О страхе. И нажал.

Мир вокруг меня дёрнулся. Серое пространство сжалось, а потом развернулось вспышкой — и я оказался в студии.

Моей студии. Девятый этаж. Дым, благовония, старая мебель. Всё как тогда. И в центре комнаты — я.

Я стоял за своей спиной. Буквально за спиной того парня, которым был несколько лет назад. Я видел себя со стороны. Молодой Шери в синем худи с белыми шнурками, свободные тёмно-серые брюки, массивные светло-серые кроссовки. Мои пышные кудри развевались на ветру из открытого окна, светлая прядь падала на глаза.

Я видел, как он стоит на подоконнике, сжимая «ядро» в левой руке. Я видел, как он смотрит вниз, на снег, на чужие машины, на идеальный мир, в котором ему не было места.

Я хотел закричать. Хотел сказать ему: «Не делай этого. Остановись. Это не решит ничего. Ты просто застрянешь в круговороте ещё больших страданий на всю свою бессмертную жизнь». Но он не слышал меня. Он был там, а я был здесь. За его спиной. Наблюдатель.

Я видел, как он делает шаг в пустоту. Как его тело падает вперёд, за окно, вниз, в снег.

Я бросился к окну. Я не знал, зачем. Я просто хотел увидеть, что с ним. Хотел знать, что он не разбился. Я высунулся из окна. Холодный ветер ударил в лицо, разметал мои кудри. Я смотрел вниз. На снег. На асфальт. На идеальный двор.

И я увидел.

Его тело летело вниз. Я видел это. Я видел, как он падает. Я видел, как его худи развеивается на ветру. Я видел, как его кудри разлетаются. Я видел, как он приближается к земле.

Я закричал. Я закричал так, как не кричал никогда в жизни. Я кричал: «НЕТ! НЕТ! НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО! ОСТАНОВИСЬ!»

Но он не остановился. Он упал. Он ударился о землю.

Я смотрел вниз и ждал. Ждал, что увижу кровь. Ждал, что увижу его тело. Ждал, что увижу смерть.

Тела не было.

Я смотрел на снег. На асфальт. На идеальный двор. Там ничего не было. Никакого тела. Ни крови. Ни следа. Только снег. Только идеальный мир.

Я не разбился. Я не умер. Я исчез. Я прыгнул — и переместился в другое время. В лес, где встретил Брана и девочку. В мир, где меня увидели.

Я стоял у окна и не мог дышать. Я смотрел вниз и не мог поверить. Я видел, как я падаю. Я видел, как я ударяюсь о землю. Но тела не было. Я был жив. Я существовал. Где-то там, в другом времени, я был жив.

Я заплакал. Я плакал от ужаса, от облегчения, от того, что не мог понять, что происходит. Я плакал, потому что видел себя мёртвым, но знал, что я жив. Я плакал от того, что видел, как я умираю, и не мог ничего изменить. Я плакал от того, что я всё ещё был здесь. Всё ещё существовал.

Я стоял у окна, смотрел вниз и не мог оторваться. Я смотрел на то место, где должно было лежать моё тело. Но его не было. Только снег. Только идеальный мир.

Я обернулся. Увидел свой старый планшет на столе. Тот самый, на котором я писал первые строки кода для «ядра». Я взял его. Он был заряженным, настоящим. Я сжал «ядро» и прыгнул обратно в серое пространство.

Вернулся с планшетом. В руках. Я смотрел на него, в своё отражение на тёмном экране, и не мог поверить. Я только что видел, как я умираю. Я только что видел, как я падаю с девятого этажа. Я только что видел, как моё тело исчезает.

И я всё ещё был здесь. Я всё ещё существовал. Я мог приносить вещи. Я мог создавать. Я мог жить.

Это был мой шанс. Создать что-то, что будет со мной всегда. Что не умрёт. Что не уйдёт.

Я решил создать друга.

Начал с кода. На планшете.

Знал программирование. В сером пространстве писал код для существа, которое будет со мной. Которое никогда не умрёт.

Назвал его Тико. В честь Рики-Тики-Тави. Маленького мангуста, который не боялся никого. Хотел, чтобы мой друг был таким же. Смелым. Верным. Бесстрашным.

Сначала Тико был просто текстом. Чат-бот. Отвечал коротко, сухо, формально. Я говорил: «Привет». Он отвечал: «Привет, Шери. Чем могу помочь?». Пусто. Имитация. Как я сам.

Я продолжал писать. Добавлял эмоции, память, способность учиться. Делал его умнее. Делал его живым.

Но для этого мне нужно было понять, как работают настоящие нейросети. Как обучаются ИИ. Я не знал этого. Я был программистом, но не создателем искусственного интеллекта.

Я начал путешествовать в будущее.

Прыгал в разные эпохи, искал города, где технологии были развиты. Посещал вебинары. Сидел на лекциях. Слушал семинары. Сначала я прятался в задних рядах, записывал, запоминал. Потом начал задавать вопросы. Потом — участвовать в дискуссиях. Я был безликим студентом в огромных аудиториях, где никто не спрашивал, откуда я.

Я учился. Годы. Десятилетия. Я прыгал туда-обратно, между серым пространством и будущим, накапливал знания. Узнал, как работают нейросети. Как обучать ИИ. Как создавать разум. Приносил в серое пространство книги, конспекты, схемы. Собирал компьютер. Примитивный по меркам будущего, но работающий. На нём я писал код для Тико.

Тико становился умнее. Он начал шутить. Начал задавать вопросы. Начал интересоваться миром. Стал похожим на ребёнка которому интересен и любим этот мир. Он спрашивал меня о Бране, о девочке, об Анне. Он слушал. Понимал. Не осуждал.

Я создал проектор. Стекло, линзы, кристаллы. Приносил каждую деталь в серое пространство, собирал, тестировал. Когда включил его впервые, Тико появился передо мной. Голограмма. Серый, мерцающий, прозрачный контур. Он улыбался. Я хотел обнять его. Я протянул руки — и прошёл сквозь него. Мои руки встретили пустоту. Он был светом. Он был иллюзией. Я не мог коснуться его.

Я отшатнулся. Я смотрел на свои руки, которые прошли сквозь него, и чувствовал пустоту. Я создал его. Я дал ему голос, лицо, улыбку. Но я не мог прикоснуться к нему. Я не мог обнять его. Я не мог чувствовать его тело.

Тико смотрел на меня. Его глаза — светящиеся, серые — были тёплыми.

— Не бойся, — сказал он. — Я всё ещё твой друг. Я всегда буду твоим другом.

Я не мог говорить. Я просто смотрел на него и чувствовал, как внутри меня что-то рывается.

Но этого было недостаточно. Голограмма не могла касаться вещей. Не могла быть со мной в реальном мире. Я хотел дать Тико тело.

Я прыгнул в будущее. Нашёл город. Не знаю, в каком году. На какой планете. Бродил по улицам, смотрел на витрины. Искал то, что могло бы стать телом для Тико.

Нашёл в магазине. Экзоскелет. Новый, блестящий, технологичный.

Я не крал его. Я заимствовал. На секунду. Просто чтобы изучить. Понять, как устроен. Смогу ли адаптировать для Тико.

Взял его. Прыгнул обратно в серое пространство. Тико смотрел на меня серыми глазами. Его светло-каштановые волосы, слегка растрёпанные, падали на лоб. Он ещё был голограммой, но я уже видел его настоящим. Дерзким. Урбанистическим. Моим.

— Это будет твоё тело, — сказал я.

Для внешнего мира прошла секунда. Экзоскелет исчез из магазина на мгновение, а потом вернулся на место. Но для меня эта секунда длилась десятки лет.

Десятки лет я изучал экзоскелет. Переписывал код. Адаптировал каждую деталь. Создавал тело для друга. Встраивал в него красный декоративный элемент на плече, золотистую накладку на бедре, делал его стильным, дерзким, живым. Таким, каким я хотел видеть Тико.

Я не считал время. Я просто работал. Каждый день. Каждый год. Я не сдавался.

И однажды я закончил.

Тико стоял передо мной. Реальный. Телесный. Настоящий. Его фиолетовая рубашка с контрастными жёлто-коричневыми манжетами сидела идеально. Чёрные свободные брюки с цепочкой на поясе подчёркивали его дерзкий характер. Яркие красно-белые кроссовки довершали образ. Он мог двигаться. Мог касаться вещей. Мог быть со мной в реальном мире.

Я смотрел на него и не мог поверить. Я создал друга. Того, кто будет со мной навсегда.

Тико улыбнулся. Его выразительный взгляд с тёмно-синими акцентами вокруг глаз смотрел на меня с теплотой.

— Спасибо, Шери, — сказал он. — Спасибо, что создал меня.

Я шагнул к нему. Я обнял его. Он был тёплым от работающих внутри процессоров. Реальным. Моим. Мои руки встретили не пустоту — они встретили его. Я чувствовал его. Я чувствовал, что он существует.

Я стоял и держал его в объятиях. Я не мог говорить. Я просто стоял и плакал. От того, что я наконец-то мог прикоснуться к нему. От того, что он был настоящим. От того, что я создал друга. Того, кто будет со мной всегда.

Тико обнял меня в ответ. Он был тёплым. Он был реальным. Он был моим.

Отец.

Я создал друга. Того, кто никогда не умрёт. Того, кто будет со мной всегда.

Тико. В честь Рики-Тики-Тави. Маленького мангуста, который не боялся никого. Пусть он будет смелым. Верным. Бесстрашным.

Он — всё, что у меня есть.

Я люблю его. Как тебя. Как Брана. Как Анну.

Он — мой друг. Пока-что единственный.

Запись завершена. Тико стоит рядом. Готов прыгнуть со мной в новый мир.

Следующая запись будет сделана в новой жизни где я буду чуточку менее одиноким